

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ МИРА И НОВАЯ РОССИЙСКАЯ САМОТОЖДЕСТВЕННОСТЬ

шантаж

После гибели Российского государства в огне гражданской войны 1917-1922 гг. двумя самыми драматическими переменами во внешнеполитическом курсе новой коммунистической и посткоммунистической власти стали отказ М.Горбачева в 1989-1991 гг. от политики коммунистической экспансии (приоритет общечеловеческих ценностей над классовыми) и открытое декларирование президентом В.Путиным стремления к союзническим отношениям с США, сделанное им осенью 2001 г. Таким образом, полностью завершился период перманентной агрессивности с пространств исторической России, начавшийся войной в Финляндии в январе 1918 года, и через бесконечный ряд войн, заговоров, формирований пятых колонн и иных подрывных действий продолжавшийся вплоть до войн в Афганистане, Никарагуа, Анголе и поддержки мусульманского радикализма С.Хусейна, Я.Арафата и М.Каддафи.

Первое посткоммунистическое десятилетие было характерно для России постоянными колебаниями между прозападной ориентацией, особенно заметной в годы управления внешнеполитическим ведомством А.Козырева, и попыткой играть старую роль (или делать вид, что играет роль) великой антизападной сверхдержавы со своими, альтернативными Западу, приоритетами и целями (последнее особенно характерно для администрации Е.Примакова). Претензия тем более смешная, что в это десятилетие властвующая в России группа советских партийных чиновников вместо действительного строительства, как в прошлые времена СССР, агрессивного империалистического антизападного государства, все средства от неисчислимых богатств России конвертировала не в вооруженные силы, но в свои частные сбережения, хранившиеся к тому же в банках тех же западных государств.

Поэтому внешнеполитическая реакция президента Путина на события 11 сентября, если даже не говорить об объективных интересах России¹, оказалась вполне адекватной. Столь слабая страна, отказавшаяся и на словах, и на деле от перманентно агрессивной политики, властители которой озабочены исключительно самообогащением, а подвластные – выживанием, такая страна может рассчитывать на внешнеполитическую стабильность только «под зонтиком» какой-либо иной, действительно мощной державы.

¹ Их анализ см. в статье: Зубов Л.Б. Изменение оси : Перспектива русско-американских отношений после 11 сентября 2001 года // «Посев» (Москва), №1 - 2002. С.11-15.

Выбор не велик – это или блок западных демократий во главе с США, организованный в НАТО, или коммунистический Китай, или, оформляющийся сейчас буквально на глазах, мир радикального ислама.

Примечательно, что среди ныне властвующих в России людей нашлись приверженцы всех трех ориентаций и с президентом оказалось по началу не так уж много тех, кто сами себя с детской наивностью любят именовать российской политической элитой. И хотя на уровне подсознания выбор ориентации часто был обусловлен сраженностью с теми ценностями, которые еще в советское время сформировали политиков (не забудем, что это были ценности тоталитарного агрессивного государства), в пределах осознанной политической мотивации как правило «среди своих» высказывался довод, что поворот Путина к США не одобрит народ, видящий в заатлантической державе главного исторического врага России, и союзничество с США будет стоить российскому президенту многих пунктов в рейтинге популярности. Да и на Западе, даже среди советников президента Буша или в британском парламенте, часто высказывались суждения, что страдающее ксенофобией и особенно антизападничеством, агрессивное и империалистическое большинство русских, заставит Путина, даже если он искренен, пересмотреть новые приоритеты российской внешней политики и вернуться к характерному для администрации Ельцина показному великодержавию и риторическому антиамериканизму для внутреннего пользования, а в действительности – к полной аморфности внешнеполитического курса, зависящего от частных интересов противоборствующих олигархических кликов.

Что касается степени влияния на президента Путина тех или иных олигархических группировок, тема эта, сама по себе существенная, выходит за рамки настоящего исследования. Другой же источник опасений международного сообщества – народ России, его внешнеполитические ценности и приоритеты. И настоящее исследование ставит целью, на основании опросов Фонда «Общественное мнение» 2001 года определить, какие страны и народы оцениваются россиянами как близкие, свои, дружественные, а какие – как враждебные, опасные, чуждые; какое чувство доминирует в нашем обществе в отношении внешнего мира – ксенофобия или ксенофилия.

II.

Прежде же сущностного анализа нам следует выяснить, в какой степени русские люди² осведомлены о внешнем мире – уровень, если угодно, их географической грамотности. Темнота и безграмотность, отличавшая русское население в начале XX столетия, когда, по сообщению Бунина, мужики Орловской губернии

² В настоящей работе слова русский и российский используются как синонимы. Так они традиционно употреблялись в русском языке. Лишь в советское время слово русский было практически изгнано из области государственных понятий и осталось лишь этно-лингвистическим термином. Русский – прилагательное к слову Россия наравне и даже предпочтительнее с искусственным словом высокого стиля – российский. Русский грузинской национальности – выражение в несоевском русском языке столь же естественное, как француз арабского происхождения.

могли пять лет говорить о кобыле в двадцать вёрст длинной, упавшей из облаков где-то возле Волги³, – такая темнота ушла в прошлое. Всеобщее образование, телевиденье и иные средства массовой информации сделали нацию сравнительно грамотной.

В страновых опросах ФОМ всегда задаётся вопрос о столице государства, отношение к которому выясняется. Для крупных государств, значение которых в российской внешней политике действительно велико, знание верных названий столиц достигает трех четвертей опрошенных. Так, для Парижа это 80%, для Берлина – 78, для Токио – 77, для Пекина – 70, для Лондона – 69, для Варшавы – 66 процентных пунктов. Несколько худшие показатели в отношении столицы США (59 %) объясняются, почти наверняка, тем, что многие респонденты назвали вместо Вашингтона Нью-Йорк – при обычном уровне ошибочных ответов 5-7 процентов, в случае с США уровень ошибки поднялся до рекордной планки в 18%. 57 процентов респондентов правильно назвали столицу Индии, 50 – Испании, 47 – Финляндии и Греции, 43 – Австрии. И даже столицы отдаленных государств, сравнительно редко упоминающихся в СМИ, знают около трети – четверти респондентов: Стокгольм – 35, Осло – 32, Сеул – 29, Пхеньян – 28, Ханой – 25, Лиссабон и Оттава – по 24 процента. Не повезло почему-то Нидерландам – мало того, что только 28 процентов респондентов объявили, что Голландия и Нидерланды – это одно и то же государство (противоположного мнения придерживался 41), но и 78 процентов не имели никакого понятия о столице этой страны, а верный ответ дали 17 процентов, при неверных решениях – 5 процентов опрошенных.

Таким образом, знания зарубежной географии у большинства современных россиян сравнительно хорошие. Понятно, что знания эти резко улучшаются с ростом образованности. Печальным же свидетельством национального неблагополучия является снижение уровня географических знаний в младшей возрастной когорте. Лица в возрасте 18-35 лет часто на 10, а то и 20 процентных пунктов отстают в правильных ответах от лиц в возрасте 35-55 лет. В старшей возрастной когорте (старше 55 лет) уровень знаний опять идет на убыль, но не так резко. Так, в младшей возрастной когорте 53 процента знают о том, что столица Польши – Варшава, а в средней – 73 процента (в старшей – 70). Для Дели уровень правильных ответов – 52, 65 и 54 процента, соответственно, для Хельсинки – 41, 54, 47. Исключением здесь являются Афины, которые считают столицей Греции 52 процента в самой молодой возрастной когорте и только 49 – в средней (среди тех, кому больше 50 лет, таковых – 40 процентов) (06.12.2001).

Помимо формального знания географических фактов, у большинства русских наблюдается высокий субъективный интерес к политике и неплохая осведомлённость о значительных международных

событиях. 62 процента заявили, что им приходилось обсуждать глобальные сдвиги после событий 11 сентября 2001 г. 69 процентов назвали себя вполне осведомленными о споре России и Японии вокруг Курильских островов и ещё 22 процента «что-то слышали» об этой международной проблеме. 76 процентов имели вполне определенное суждение о целесообразности продажи Россией Ирану своих ракетных и ядерных технологий (07.03.2001). 91 процент знали (из них 19 % «что-то слышали») о визите В.Путина на Кубу в декабре 2000 года (27.12.2000). 64 процента знают или «что-то слышали» о договоре 1972 г. по ПРО между США и СССР

27.12.2001. А 84 процента знали о конфликте между пенсионерами и полицией в Риге в апреле 1998 г (22.04.1998). Эти, взятые наугад из бесконечной череды опросов примеры, наглядно свидетельствуют, что российский обыватель несмотря на все потрясения прошедших десятилетий, а, может быть, и благодаря им, является большей частью «внешнеполитическим человеком», знающим мир и интересующимся международными проблемами.

Уровень внешнеполитической образованности россиянина позволяет серьезно отнестись к его оценкам государств мира в отношении их дружественности к России. Таким образом, мы как бы конструируем карту геополитических филий и фобий. Какие же страны мира большинство граждан РФ считает дружественными, а какие – враждебными?

Таблица 1 Табл. 1. Уровень дружественности стран мира к России по представлениям россиян (опросы ФОМ 2001 года)

Государство	дружественно России	недружественно о России	затрудняюсь ответить
Австрия	58	11	31
Великобритания	48	28	24
Вьетнам	69	11	20
Германия	61	20	19
Израиль	52	26	22
Индия	83	4	13
Иран	42	27	31
Испания	63	8	29
Канада	64	12	24
Китай	66	18	16
Корея Северная	58	12	30
Корея Южная	58	12	30
Норвегия	69	8	23
Польша	57	25	19
Португалия	49	10	41
США	32	53	15
Финляндия	77	8	15
Швеция	65	10	25
Япония	56	27	17

Как можно видеть, и этот результат достаточно неожиданен, большинство русских людей в первый год XXI века отнюдь не склонны разделять пессимистическую убежденность государя Александра Александровича, что единственным другом России в мире является Черногорский князь. После всех великих трагедий и страшных войн завершившегося столетия россияне стали смотреть на мир существенно оптимистичней, чем их император сто десять лет назад. Из 19 государств, по которым был задан соответствующий вопрос, лишь в одном случае (США) доля отрицательных ответов (недружественное государство) превышает долю положительных. И еще в трёх случаях доля отрицательных ответов равна или превышает половину положительных (Великобритания, Иран, Израиль). По большинству стран процент респондентов, полагающих их враждебными, не превышает 1/8. Кроме названных стран, сравнительно многие (20 процентов и более) полагают враждебными Японию, Германию, Польшу. К этому же перечню приближаются Китай – 18 процентов. Но такие страны НАТО, как Испания, Норвегия, Канада, Португалия полагают враждебными совсем немногие. Столь же мал процент лиц, считающих враждебными России коммунистические страны Азии – Вьетнам и Северную Корею. Отношение к ним такое же, как к таким нейтральным и безобидным странам, как Швеция, Финляндия или Австрия.

III

Особо дружеское отношение из всех великих держав и потенциальных полюсов «многополюсного мира» россияне испытывают к Индии. 83 процента опрошенных сочли ее дружественной страной и лишь 4 процента – враждебной (меньше, чем какое-либо иное из представленных в списке государств). Примечательно, что эта убежденность усиливается с ростом образования (девиация – 17 п.п.), достигая среди лиц с высшим образованием 91 процента. Это – абсолютный рекорд дружественности. Отношение к Индии – пример большой разумности российского общества в отношении внешнеполитических оценок. Если сравнить Индию с двумя другими полюсами многополюсного мира, на которые предполагали опираться Примаков и Ельцин в противовес США – Китай и Иран, то отношение к ним существенно более амбивалентное. Китай «недружественным» сочли 18 процентов, а Иран – 27. При этом 16 процентов респондентов в отношении Китая и 31 – Ирана не смогли высказать определенного суждения.

О том, что именно Иран и, шире, мусульманский мир вызывает ныне главные опасения россиян и многими рассматривается как недружественное сообщество, свидетельствуют и иные опросы. Когда в начале марта 2001 г. (03.03.2001), то есть до событий

11 сентября, респондентам был задан открытый вопрос «что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово (Иран(?)), большинство из тех, кому вообще что-то пришло в голову (таких – 57 процентов), дали ответ – «воинственная страна», «агрессивная, вечно воюющая страна», «терроризм», «настораживает и ожидается что-то тревожное, пугающее», «ислам, противостояние» и т.п. И даже если принять во внимание, что многие путают Иран с Ираком, положение это не исправляет. И Иран, и Ирак – равно – источник опасности. Положительные образы приходят в голову только одному из пяти, давших ответ на тему этого вопроса – «давний друг Российской державы», «жалко их, иранцев, бомбят, несчастная страна», «нормальное государство», «мусульманская страна» и т.п.

Большинство россиян (03.03.2001) верит, что Россия продает Ирану свои ракетно-ядерные технологии (43 процента, среди лиц с высшим образованием – 52 процента; противоположное мнение – 22 процента, среди лиц с высшим образованием – 27 процентов), но при этом большинство же и осуждает эту возможную практику (50 процентов, противоположное мнение – 26 процентов). Примечательно, что в этом вопросе наиболее решительны не самые образованные, а самые молодые (55 процентов против продаж в младшей возрастной когорте, а среди лиц с высшим образованием – 44 процента), но ни в одной референтной группе доля противников продаж не была меньше доли сторонников. Даже в потенциальном электорате Зюганова противники продаж превосходят сторонников на 10 процентов. Русскому гражданину и здесь нельзя отказать в здравом смысле⁴.

⁴ Отношение автора к этой проблеме см. в статье: Л. Zubov. *Russia and Iran: policy or private interests?* // *Acque & Terre (Venezia)*. 2001. N2. P. 23-25; 58-59. (на итал. и англ. языках). Русский оригинал – «Посев» 7-2001.

После сентябрьской американской трагедии отношение русских к мусульманскому миру стало еще более настороженным. 5 ноября 2001 г. ФОМ предложил вопрос: «Как Вы думаете, есть ли сегодня у России внешние враги, которые могут развязать войну против нашей страны?». 27 процентов сочли, что таких врагов нет. А из тех, кто полагали, что опасные враги ныне у России имеются (61 процент), более половины (35 процентов всех опрошенных) назвали мусульманские сообщества (19 – Афганистан, 8 – мусульманские страны, 6 – Чечню, 2 – Пакистан). В 1999 г. никто не считал Пакистан или мусульманские страны как таковыми врагами России, а Афганистан и Чечня вызвали опасения лишь у трёх процентов опрошенных (опрос 10.04.1999). Напротив, на вопрос, – «с какими странами, по Вашему мнению, России следует иметь союзнические отношения?» (15.11.2001) ни одна из мусульманских стран не была названа. После 11 сентября «мусульманская угроза» стала важнейшей внешнеполитической фобией не только в США, но и в России.

IV.

Другим полюсом, на который предлагают ориентироваться России многие отечественные политики, является коммунистический Китай. Китай – хорошо знакомое большинству русских государство. Только 28 процентов респондентов затруднились назвать какие-то китайские реалии в вопросе «что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово “Китай”?» (опрос 21.06.2001). Большая часть образов, приходящих на ум в связи с Китаем, положительные или нейтральные: 17 процентов подчеркивают многолюдство, 8 процентов – огромные размеры страны, 3 процента – древность высокой культуры. 8 процентам приходит сразу же в голову, что Китай зажиточная, быстро развивающаяся страна. 6 – что это дружественная страна, «наш главный союзник», «братская страна». 3 процентам вспоминается честность, трудолюбие и дружелюбие китайцев. Почти половина респондентов согласны с тем, что «Китай в ближайшие десять лет займёт лидирующие позиции в мировой экономике и политике» (45 процентов, противоположное мнение – 28) и 40 процентов уверены, что «партнерские отношения с Китаем для России важнее, чем партнерские отношения с США» (противоположное суждение – 28 процентов). И, наконец, «дружественным» сочли КНР две трети опрошенных (противоположное мнение – 18 процентов), а 14 процентов желали бы в первую очередь именно с Китаем иметь «союзнические отношения».

Опасаются Китая не более 20-25 процентов россиян. Причем, если в августе 1997 г. его считали источником первостепенной опасности 17 процентов респондентов, то в ноябре 2001 г. – только 2 процента. Если исключить обывателей, поругивающих низкое качество китайских товаров (9 процентов), то негативные образы Китая встречаются в русском обществе нечасто. Высказывания типа «Что-то опасное», «войну хотят делать», «Владивосток захватить», «угроза стратегическая», «хотят сделать из России колонию», «раньше была дружба навек, а теперь мы им не верим» – присущи только 4 процентам опрошенных. Ещё три процента вспоминают первым делом советско-китайское противостояние, остров Даманский или эксцессы тоталитарного режима

- «хунвейбины», «культурная революция» и т.п. И уж совсем единичны ответы тех, кто не верит в экономические успехи Китая – «нищая страна», «все бедные, живут в трущобах», «я был в Китае полгода тому назад – и не видел никакого экономического чуда, я был просто шокирован», «не вижу особых достижений в Китае».

Так что Китай представляется большинству русских вполне приемлемым и даже предпочтительным союзником, хотя опасения по поводу восточного соседа присутствуют во всех референтных группах и особенно заметны в отдельных странах и регионах

России. Например, на Дальнем Востоке – там, где соседство с Китаем ощутимо наиболее явно, каждый третий полагает Китай недружественным государством (34 процента).

V.

В государствах Европы русские также большей частью не усматривают враждебных и опасных соседей. В отношении к странам Европы практически отсутствуют различия между нейтральными государствами, такими как Австрия и Швеция, и странами, входящими в блок НАТО. Нет принципиальных различий и между бывшими «союзниками поневоле», государствами, входившими до 1989 г. в Организацию «Варшавского договора», а ныне ставшими членами Организации Северо-Атлантического договора, и такими державами НАТО «со стажем», как Германия, Нидерланды или Франция. За исключением Великобритании, все государства Европы, по которым проводились в 2001 г. опросы ФОМ, абсолютное большинство респондентов не считают враждебными и в тех случаях, когда государства не малоизвестны (как Португалия или Нидерланды) абсолютное большинство опрошенных считают их дружественными.

В отношении к Европе весьма существенный сдвиг произошел между апрелем 1999 г. и ноябрём 2001 г. В 1999 г. под впечатлением войны НАТО с режимом Милошевича в Югославии среди русских были сильны антизападные настроения. 16 процентов полагали, что военную угрозу для России представляет НАТО, 5 процентов – Германия, 6 – Великобритания, 2 – Франция. В ноябре 2001 г. НАТО, Германия и Франция вообще не были названы среди потенциальных неприятелей России, а Великобританию счёл таковой лишь 1 процент опрошенных. Напротив, союзнические отношения со всеми странами Европы желали в ноябре 2001 г. установить 12 процентов респондентов, с Германией – 11 процентов, с Великобританией и Францией – по 6 процентов (15.11.2001).

Эти цифры выявляют реальный сдвиг в геополитических ориентациях, произошедший в русском обществе после агрессии радикальных исламистов против США 11 сентября. Но они также обнаруживают отсутствие глубоких антиевропейских настроений в сегодняшней России. Во время Косовского конфликта симпатии большинства русских людей к «камням Европы» были на время поколеблены, но прошёл год-полтора, и они полностью восстановились. События 11 сентября сыграли в этом изменении настроений, видимо, далеко не самую существенную роль. Положительный образ Европы восстановился до сентября 2001 г.

В нашем распоряжении имеются два опроса, касающихся отношения россиян к Германии. Один опрос был осуществлён в середине сентября, сразу же за трагическим днём террористического

акта в США, другой – в начале апреля 2001 г. В сентябре 64 процента русских объявили, что лично им немцы, как народ, симпатичны. Противоположного мнения придерживались 19 процентов, 17% затруднились с ответом (20.09.2001). За полгода до этого 61 процент опрошенных назвал Германию дружественным в отношении России государством, а недружественным – 20 процентов. Отношение к Германии тем более знаменательно, что в умах очень многих русских эта страна первым делом ассоциируется с нацизмом и с противоборством эпохи Второй мировой войны. На открытый вопрос «Что в первую очередь приходит Вам в голову при слове “Германия”?» 29 процентов указали на реалии войны и нацистского режима, а вторым по известности среди немцев (после канцлера Г.Коля) у россиян является фюрер Третьего рейха-Адольф Гитлер (18 %). Среди негативных ответов присутствуют и очень личные: «не могу до сих пор переносить немецкую речь, это не люди – по воспоминаниям детства», «нация, которой бы лучше не существовало», «отец погиб на Второй мировой войне, а дед – на Первой, на германском фронте», «вечный враг», «вспоминаю отца – он брал Берлин». И всё же, на одного русского, неприязненно относящегося к немцам и считающего Германию врагом, приходится три человека, симпатизирующих немцам и полагающих Германию «дружественным государством». Достаточно естественно, что положительные ассоциации возрастают в младших возрастных стратах (с 52% у тех, кто старше пятидесяти, до 69% в младшей возрастной группе), но во всех референтных группах процент дружественно настроенных к Германии больше процента лиц, полагающих ее «нашим врагом».

Таким образом, страна, которую в наибольшей степени можно было бы полагать естественным геополитическим противником России в Европе, с точки зрения подавляющего большинства русских населена симпатичным народом и является дружественным нам государством. «Богатая, изобильная страна», «народ умный, аккуратный, чистоплотный», «страна, занимающая первое место по развитию контактов и связей с Россией», «прекрасно к нам относятся» – это, пожалуй, наиболее типичные ответы на открытый вопрос о том, какие первые ассоциации вызывает Германия.

Другая крупная европейская страна НАТО – Франция вызывает устойчивые положительные эмоции практически у всех опрошенных, имеющих хоть какие-то ассоциации при произнесении этого имени. «Во Франции – всё прекрасно», «интеллигентные люди», «красивые женщины», «честь, благородство», «лёгкая страна, нравится она», «ведущая в Европе страна в области культуры и искусства», «Париж – столица мира»... Противоположные ассоциации единичны (не более 1 процента опрошенных). То же самое можно сказать и об Испании. Но здесь к красотах культуры и быта добавляются еще курортные ассоциации – «рай цветов, солнца», «очень

красивая природа» и исторические рефлексии семейных воспоминаний, связанные с участием СССР в испанской гражданской войне. Впрочем, эти исторические воспоминания ни у кого не вызывают негативного отношения к стране и народу Испании. Напротив, в умах большинства из тех, кто вспомнил события испанской гражданской войны, испанцы и «мы» были тогда союзниками в борьбе против франкистов и фашистов – «война, она отстаивала свою свободу, но не сумела», «война была в Испании, наши там помогали, детей испанских привозили к нам», «война с франкистским режимом».

О малых странах НАТО и говорить не приходится. Большинство респондентов знают о них весьма немного. Можно смело ручаться, что в нюансах португальской или норвежской политики в отношении России разбираются единицы, и всё же намного больше число людей уверенных в дружественности к нам этих периферийных стран Западной Европы, чем тех, кто смог правильно назвать их столичные города. Так, дружественной полагают Португалию 49 процентов опрошенных, а затруднились ответить – 41 процент, в то же время правильно назвали столицу Португалии 24 процента, а затруднились с ответом – 73 процента 25.10.2001. То есть, можно сказать, что в отношении европейских стран у россиян существует презумпция дружественности.

То же самое вполне справедливо и в отношении заокеанской Канады, которую дружественной полагают 64 процента (затруднились с выводом 24 процента), а не смогли назвать столицу (ни правильно, ни неправильно) 69 процентов. Ассоциации Канада вызывает исключительно положительные – «хорошо живут», «безоблачная жизнь», «одна из положительных стран мира», «экологически чистая страна», «бескрайние просторы, леса, чистый воздух», «озёра, водопады»... Кое-кто вспоминает и родственников или друзей эмигрировавших в Канаду, живущих там.

VI.

Израиль, еврейское государство, часто рассматривается как предмет геополитической фобии большинства россиян. Мнение о традиционном русском антисемитизме весьма распространено и в политическом, и в ученом сообществе. Опрос ФОМ 26 июня – 1 июля 2001 г. совершенно опровергает и это суждение. Израиль вовсе не рассматривается русскими как враждебная страна. 52 процента респондентов полагают Израиль дружественной страной и только 26 – недружественной. Исключение – потенциальный электорат Зюганова. Здесь, как ни в одной другой референтной группе, распространено мнение об Израиле как о недружественном России государстве. Но даже и в этой, сравнительно небольшой группе (14% всех опрошенных), 39 процентов считают Израиль государством дружественным (и столько же – недружественным).

Примечателен и региональный разброс суждений. На Урале считают Израиль дружественным государством 43 процента респондентов, а 35 – недружественным, а на Северо-Западе – 67 и 20 процентов, соответственно. Этнический еврейский компонент в любом из округов России столь незначителен, что он не может оказать ощутимого влияния на отношение к Израилю, причины же, по которым этнически русское население Северо-Запада на 25 процентных пунктов чаще, чем жители Урала, имеет положительные оценки этого государства, остаются неясными.

Еще более убеждают в отсутствии среди россиян антисемитского комплекса ответы на открытый вопрос – «Что в первую очередь приходит Вам в голову при слове “Израиль”?». При одной трети респондентов, затруднившихся дать какой-либо ответ, ответы 64% оказались нейтральными или положительными и только 6% – негативными. Понятно, что большинство россиян, что-то знающих об Израиле/вспоминают, что это – преимущественно еврейское государство, что там идет почти перманентная война между евреями и арабами, что значительная часть населения Израйля – выходцы из России. Но все эти припоминания не сопровождаются осуждением или уничижительными оценками. Единичны высказывания типа – «я их терпеть не могу», «вообще не люблю евреев», «агрессивное государство», «хитрый, жадный народ». Высказывания эти во много раз перекрываются положительными суждениями о трудолюбии, зажиточности, мужестве израильтян. «Благополучие»; «нормально люди живут»; «там хорошая и счастливая жизнь»; «высокий социальный уровень народа»; «богатая страна»; «процветающая страна»; «преуспевающая страна»; «экономические успехи страны за последние 50 лет»; «состоятельная жизнь»; «там люди живут богато»; «страна нормальная, наверное, раз люди стремятся туда, там жизненный уровень выше»; «государство умных людей, решительных и смелых»; «галантливые»; «умеют жить, работать, веселиться».

Примечательно, что на вопрос, кто виноват в вечно длящемся арабо-еврейском конфликте в Израиле, 39 процентов россиян указали на обе стороны одновременно, по 11 процентов – на евреев или на арабов, а ещё 39 процентов не смогли указать виновную сторону. Не менее примечательно, что только 18 процентов респондентов осуждают российских евреев, уехавших в Израиль, а 77 процентов – не осуждают и две трети считают, что они остаются русскими людьми, хотя и живут за границей.

В отличие от мусульманского мира, отношение к Израилю лишено опасливой настороженности, оно, скорее, доброжелательно-равнодушное. Как и Европу, Израиль большинство русских людей считают близким и понятным народом, хотя уровень симпатии и несколько снижен в сравнении с европейскими странами.

VII

В противоположность этому к коммунистическим странам, бывшим союзникам (КНДР, Вьетнам, Куба), не представляющим, в отличие от Китая, реально опасными, отношение большинства россиян дружественное, но жалостливое. Людей жалко, а режимы, в целом, осуждаются. «Люди тяжело живут», «бедная, нищая страна с низким уровнем экономики», «какая-то горечь, жалость, несчастный народ». Особенно печально в глазах русских выглядит Северная Корея, хотя кое-кто, пугая её с Южной Кореей, считает «капиталистической страной с демократией». Но чаще, иное – «чистый сталинизм», «заповедник коммунизма», «голод, разруха», «люди изголодались, траву едят», «кошмар». На Вьетнам к тому же накладываются отрицательные большей частью впечатления от общения с вьетнамцами в России. Люди старшего поколения вспоминают, что когда-то с участием следили за войной в Корее и в Индокитае, болели за коммунистов и осуждали американцев. Но всё это в прошлом. Слово «бывший» при описании своих ассоциаций с Вьетнамом, Кубой или КНДР появляется очень часто – «бывший союзник», «была война», «бывшие наши друзья».

«Бывшие» союзники в сознании русских оказываются вне поля геополитического внимания. Они не являются объектом притяжения, выраженной симпатии, с ними не связаны и страхи. Вряд ли сближение с ними вызвало бы положительную реакцию в обществе. Судьба народов вызывает жалость, а режимы, царящие в этих странах, ассоциируются с недавним собственным прошлым, которое большинство россиян предпочитает забыть.

VIII

Иное отношение к бывшему «союзнику поневоле», к «братской» Польше. Несмотря на то, что между Россией и Польшей традиционно сохранялись очень сложные отношения «соперничества за восточно-европейское пространство» (П.Н.Милюков) и не раз значительные части то одного, то другого государства становились владением другого, русские сохраняют к полякам доброжелательное отношение и полагают Польшу дружественной России страной. К полякам испытывают симпатию 64 процента русских, а дружественным Польское государство полагают 57 процентов (противоположных взглядов придерживаются 25 и 13 процентов, соответственно).

Интересно, что по мере отдаления региона России от границ Польши, убеждение в том, что Польша – это дружественное России государство, возрастает: в Центральном округе в дружественности Польши уверено 45 процентов опрошенных, на Дальнем Востоке – 74 (противоположное мнение – 34 и 20 процентов, соответственно).

При этом в симпатиях поляков к русским русские убеждены существенно реже, чем в собственных – к полякам. Только 44 процента опрошенных думают, что большинство жителей Польши относятся к России положительно, 22 же процента высказывают противоположное суждение. Среди лиц с высшим образованием негативная оценка отношения поляков к России достигает одной трети, но при этом симпатию к полякам испытывают две трети русских с высшим образованием и только 15 процентам поляки «не симпатичны».

Эти цифровые ряды приводят к двум выводам. Во-первых, в русском обществе присутствует презумпция дружественности к иным народам. Эмпирические опыты общения могут приводить к негативным оценкам поляков жителями Центрального округа, или, например, Китая – населением Дальнего Востока, но для русских, не имеющих живого опыта общения с тем или иным народом, отношение к нему а priori дружественное. Во-вторых, положительное отношение к другой стране не связано жестко с положительным отношением жителей этой страны к России. Значительная часть русских готова хорошо относиться к другому народу, ясно сознавая, что этот народ в целом достаточно сдержанно относится к России.

Поэтому неудивительно, что среди ответов на открытый вопрос «Какие ассоциации вызывает у Вас слово “Польша”?» число положительных и нейтральных ассоциаций существенно превышает число отрицательных. Хотя половина респондентов вообще затруднилась с ответом (52%), среди остальных отрицательные суждения охватывают всего несколько процентов. По крайней мере, в отношении Польши не ощутим ни страх, ни раздражение. Высказывания, в которых проскальзывает горечь от утраты былого союзника, единичны.

Впрочем, в отношении Польши прослеживается иная тенденция. В отличие от коммунистических стран до сих пор не разорвавших с этой идеологией, и потому вызывающих у большинства россиян жалость и снисхождение, Польша, по мнению многих респондентов, быстрее и удачней вышла из коммунистического прошлого, чем Россия. «Богато живут поляки»; «богатая, стабильная страна»; «там хорошо – не как у нас»; «прошли у них годы бедности, а теперь живут хорошо, т. к. подняли экономику страны»; «в Польше жизнь процветает, цивилизованный народ»; «живут лучше нас»; «нормальная страна, сейчас хорошо живет»; «у них люди лучше живут, цены ниже»; «у них всегда была ориентировка на Запад: они европейцы, а мы – азиопы». У нас нет аналогичных опросов по иным европейским странам, вышедшим из коммунистического прошлого, и Польша остается единственным примером, демонстрирующим, что русские сравнивают свою судьбу с судьбой бывших

братьев по коммунистическому лагерю. Сравнение это, как можно видеть, приводит к осознанию того, что процесс преодоления советско-коммунистического прошлого мог бы быть и в России более удачным и легким.

IX.

Самым распространенным аспектом общности между русскими и поляками наши респонденты называют славянство, этнолингвистическое единство. Такого мнения придерживаются более трети респондентов (35%), притом, что 42 процента затруднились с ответом на вопрос о чертах сходства двух народов. Такое подчеркивание славянской общности вовсе не является случайным. Славянство оказывается мощным объединяющим фактором и весьма сильной филиацией в современной России.

Славянами назвали себя 68 процентов опрошенных и только 22 процента не сочли себя славянами (10 процентов затруднились с ответом на этот вопрос). Больше половины (54%) при этом полагали, что славяне отличаются от других европейских народов. При этом совсем не язык считался большинством респондентов главным отличительным качеством, а особенности сознания, обычаи, душевные качества. Так что большинство русских сознают себя славянами и переживают свое славянство как *самобытность*. Почти 4/5 всех опрошенных, то есть даже больше, чем считающих себя славянами, уверены, что России следует поддерживать со славянскими странами более тесные отношения. Только 7 процентов высказались против укрепления связей со славянским миром.

Славянский мир оказывается безусловной зоной геополитического предпочтения для населения России. А в славянском мире главенствующее место занимают бывшие части Российской Империи – Украина и Белоруссия, а вслед за ними православные балканские славянские страны – Болгария и Югославия. За ними следует Польша. Значительное же число респондентов (22%) хотят укрепления отношений со всеми славянскими государствами. И причины столь сильной положительной реакции на идею славянства ясны. Три пятых опрошенных сами испытывают «братские чувства» к тем или иным славянским народам и лишь одна четверть не испытывает. При этом россияне отлично знают, какие страны являются по преимуществу славянскими. Ошибочных ответов набралось всего 2-4 процента и еще 26 процентов затруднились с ответом.

Столь сильная ориентация на славянское единство вряд ли объясняется лишь событиями последних лет, например, конфликтами в Косово или Македонии. Скорее, эти конфликты только обнаружили большое сочувствие и сердечную близость россиян к другим славянским народам. Быть может это кажется невероятным

для нашего народа, по расхожему мнению потерявшего историческую память, но скорее всего чувства родства со славянством уходят в XIX столетие, в панславистские настроения эпохи освобождения балканских славян от турецкого владычества и в настроения панславизма, которыми было насыщено время Первой мировой войны. Дело в том, что в советское время идея славянского единства (за единственным исключением позднесталинского десятилетия 1943-1953 гг.) никогда не выдвигалась активно. И поэтому, славянская филиация большинства населения может считаться глубоким переживанием, унаследованным еще с докоммунистического времени, и вновь актуализирующимся в сегодняшней России. «Любовь к родному пепелищу», пробуждающаяся ныне в нашем отечестве, имеет и геополитическую панславянскую составляющую.

Х.

Историческая рефлексия присутствует и в отношении русских людей к двум островным государствам, расположенным на западной и восточной оконечностях Евразии – к Великобритании и Японии. Большинству опрошенных приходят в голову положительные ассоциации в связи с этими двумя странами. Их называют богатыми, быстро развивающимися, преуспевающими. «На нищих островах развилось богатейшее государство»; «великая страна, живут в сто раз лучше нас». Народы, и японский, и британский, называют трудолюбивыми, аккуратными, организованными.

И всё же, хотя в обоих случаях большая часть опрошенных полагает, что это суть дружественные к России государства, весьма осязаемое меньшинство настроено иначе. 29 процентов считают враждебным нам государством Великобританию, 27 – Японию. В случае с Японией такой высокий уровень враждебности еще можно объяснить. Примерно 12-13 процентов респондентов первым делом, когда речь заходит о Японии, вспоминают спор из-за Курильских островов, браконьерство японских рыбаков в наших водах и войны с Японией – 1945 и 1904-1905 гг. Примечательно, что историческая память россиян хранит и Порт-Артур, и Халхин-Гол.

С Великобританией таких негативных ассоциаций вроде бы нет. Разве что «особые» союзнические отношения Англии с США – «хвостик Америки». Многие, напротив, вспоминают наше союзничество и во Второй, и в Первой мировых войнах – «входила в союз Антанты»; «Вторая мировая война – союзники»; «Черчилль, помощь нам во Второй мировой войне»; «англичане воевали против Гитлера», «второй фронт в Великую Отечественную».

Можно предположить, что причины негативного отношения к Великобритании коренятся в более глубоком прошлом – «Большая

колониальная держава когда-то была»; «раньше владычицей морей была»; «колонии в Индии»; «владычица морей, сильная колония, империя в прошлом». В этих, довольно частых, исторических рефлексиях сквозит давнее соперничество двух империй – Британской и Российской, соперничество, столь трагически завершившееся для нас в огне гражданской войны. Уже полвека, с провозглашения Индии республикой, и Британия не является империей «над которой никогда не заходит солнце». Слава обоих государств в прошлом, но именно память о былой борьбе за господство над Евразией формирует, возможно, негативное отношение части россиян к Великобритании, так же как исторические воспоминания не способствуют усилению дружеских чувств к Японии.

Вообще следует подчеркнуть неожиданную глубину исторической памяти русского народа, выявившуюся опросами. Сознательные и подсознательные переживания прошлых союзов и войн продолжают влиять на сегодняшние геополитические ориентации россиян, формируя их самотождественность.

XI

Единственным государством, которое большинство русских полагает враждебным России, являются Соединённые Штаты Америки. В феврале 2001 г. такого мнения придерживались чуть более половины респондентов (53%), а одна треть (32%) были убеждены, что США – государство дружественное России. После трагических событий 11 сентября отношение к США изменилось. В конце декабря 2001 г., несмотря на то, что в то время средства массовой информации России активно обсуждали односторонний выход США из системы ПРО, дружественным по отношению к России государством США сочли уже 38% респондентов, а враждебным – 44%.

Но, хотя русские люди и в декабре 2001 г. не имели, большей частью, иллюзий относительно дружественности США к России, они горячо желали появления этого чувства. Ответы на вопрос, заданный 27 октября: «А Вы лично хотели бы или не хотели, чтобы между Россией и США произошло сближение?», фиксируют существенный сдвиг в общественном мнении, ведь понятно, что с органически враждебным государством сближаться бессмысленно и даже опасно.

А между тем, за сближение высказалось тогда 69 процентов респондентов, а против – 17 (14 процентов затруднились дать однозначный ответ). Особенно интересно, что эти показатели почти не колеблются в различных референтных группах. Ни уровень образования, ни возраст, ни местожительства, ни доход, ни оценка своего жизненного положения (оптимисты и пессимисты) нигде

не дают девиацию более десяти процентных пунктов. Только политические предпочтения чуть выводят из этого ровного и сильного единодушия нации: среди потенциальных избирателей Путина желают сближения с США 73 процента, а среди электората Зюганова – 62 процента, 20 же процентов его сторонников выступают против сближения. Но и эти цифры неожиданны. Руководству КПРФ следовало бы учесть, что почти две трети их потенциального электората за сближение с Америкой и только один из пяти – против. Только 20 процентов русских в декабре 2001 г. объявили, что плохо относятся к Америке. И хотя в электорате Зюганова таковых было в два раза больше (42%), всё же и среди коммунистов 22% объявили о своем положительном отношении к США, а 30% сказали, что к Америке они безразличны.

Чтобы правильной понять эту установку современного российского общества, следует учесть ответы еще на ряд вопросов и октябрьского и февральского опросов ФОМ. Во-первых, русские вовсе не тешат себя иллюзиями относительно силы своего отечества. Политиком, пытающимся играть на идее национального величия следует учитывать, что нынешнюю РФ полагает сильным государством (февральский опрос) только один из трех ее граждан (31 процент). Обратного же мнения придерживается в два раза больше респондентов (61 процент). Так что никаких обольщений у большинства наших соотечественников в отношении состояния «державы» нет. Но если Россия ныне – слабое государство, а США, без сомнения, сильное, то сближение и союз двух стран не может быть дружбой равных. Те, кто высказались за сближение с Америкой высказались, скорее всего сознательно, за превращение РФ в младшего партнера единственной сверхдержавы.

После 11 сентября многое изменилось в мире. Однако, только четверть россиян думала в конце октября 2001 г., что в результате войны с терроризмом, объявленной президентом Бушем, позиции США в мире ослабнут. 57 же процентов считали, что они усилятся еще больше или останутся неизменными. Таким образом, желание сближения с Америкой, характерное для большинства русских – это вовсе не рука помощи погибающему врагу, но попытка обрести защиту и стабильность в опасном мире. «Надо дружить с сильными странами», «если мы будем дружить, то исчезнет опасность войны между США и Россией», «укрепится международная стабильность и безопасность» – таковы доминирующие мнения россиян (5.11.01). 5 ноября 2001 г. ФОМ задал респондентам вопрос «С какими странами, по Вашему мнению, России следует иметь союзнические отношения?». Среди ответов на первом месте США – 27 процентов опрошенных. Вторым, с отставанием в два раза, идет Китай (14%), на третьем – Германия (11%). Положительно относятся к тому, чтобы Россия и США стали

союзниками 65 процентов русских, а отрицательно – только 12 процентов (остальным это безразлично или они не знают).

После 11 сентября 2001 г., россияне осознали исламский мир как зону главной опасности и это привело к резкому снижению уровня переживания США как опасной для России державы. В опросе 10 апреля 1999 г. США безусловно лидировали среди стран, представлявших, по мнению россиян, для нашей страны потенциальную угрозу (48%), притом, что второе место (16%) занимала тогда НАТО, а третье – крупнейшие европейские страны НАТО – Великобритания, Германия, Франция (13%). Опрос 5 ноября 2001 г. обнаружил резкое смещение ориентаций. США теперь сочли враждебной страной лишь 13% респондентов, НАТО не назвал никто, а из европейских союзников США по НАТО – лишь 1 процент назвал Великобританию. Другие страны НАТО не вспомнили.

Примечательно, что намного больше в России желающих сближения с Америкой, чем полагающих, что такое сближение действительно происходит. В конце октября 2001 года русское общество разделилось практически поровну по числу положительных и отрицательных оценок динамики американско-российских отношений. 44 процента склонялись к мысли, что «существенное сближение» между Россией и США действительно происходит, 41 процент полагал, что «отношения существенно не меняются». Эти ответы проясняют результаты и еще одного из октябрьских вопросов. 45 процентов российских респондентов сочли, что события после 11 сентября приведут к усилению позиций России в мире и только 7 процентов – к их ослаблению (31 – позиции не изменятся, 18 – затруднились ответить).

Несмотря на то, что 44% опрошенных считают, что США – недружественное России государство, подавляющее большинство россиян желают сближения с Америкой, хотя они далеко не всегда уверены, что такое сближение имеет место в действительности. Принимая во внимание эту установку нашего сознания, а также то, что в глазах 3/5 россиян – нынешняя РФ – «слабая страна», можно с большой долей уверенности предположить, что изменение к лучшему позиций России в мире после 11 сентября по мнению русских граждан связано с тем, что теперь Америка в большей степени, чем раньше заинтересована в союзе с Россией и односторонняя симпатия может превратиться поэтому во взаимное чувство. А это, в свою очередь, явно свидетельствует о том, что никакого атактистического антиамериканизма, как наследия советской пропаганды и эпохи холодной войны, в России ныне нет. Наличествует же совершенно иная тенденция – к сближению, сотрудничеству с Америкой, компенсирующему нашу нынешнюю слабость, бедность и уязвимость. Так что исторический разворот

внешнеполитического курса президента Путина 11 сентября в намного большей степени соответствует чаяниям россиян, чем разворот над Атлантикой самолета Е.М.Примакова двумя годами раньше. Русские не хотят считать Америку врагом своей страны.

А хотели ли раньше, в советскую эпоху? Результатов надежных опросов из того времени у нас, понятно, нет. Но сильные прозападные и проамериканские настроения, обнаружившиеся в российском обществе сразу же после падения железного занавеса, позволяют с большой вероятностью предположить, что коммунистическая пропаганда, объявлявшая Америку врагом номер один, не принималась нашим обществом всерьёз. Люди не верили в то, что вещали им дикторы советского телевиденья. И нынешний властный слой России, сам вышедший из сталинской шинели, явно переоценивает эффективность позднесоветской пропаганды. Это для них Америка была врагом. Покоренный большевиками народ, слушавший по ночам «радиоголоса», был далеко не столь единодушен в желании разделить геополитические конструкции своих властителей.

В течение послекommунистического десятилетия симпатии к Америке испытывались бомбежками Сербии; поддержкой, которую президент Клинтон оказывал Ельцину, Черномырдину и иным мало популярным российским политикам; слухами о планах З.Бжезинского расчленить Россию; симпатией США к чеченским сепаратистам. Но все эти испытания не привели к устойчивому антиамериканизму, а напротив, усилили желание россиян рассеять недоразумения и вступить в союзнические отношения с США, что и показали наглядно цифры опросов 2001 года. Особенно эти чувства усилились после трагедии 11 сентября. Хотя очень многие комментаторы утверждали иное, опросы конца 2001 года показывают, что абсолютное большинство россиян настроены на заключение долговременного союза с Америкой, притом, что многие с горечью сознают, что само руководство США всё еще колеблется в отношении искреннего союзничества с Россией.

Вектор геополитических предпочтений россиян безусловно направлен в настоящее время на Запад. В сторону Европы, которая видится нам дружественной и близкой, славянства, признаваемого большинством братьями, и США, которые хотя и вызывают немалые опасения, но рассматриваются в качестве наилучшего союзника для слабой России в полном опасностей мире.

XII.

Такое отношение к странам Запада сочетается с характерной установкой сопоставительной самооценки. Западные страны видятся сильными, богатыми и счастливыми и это чужое благополучие вызывает не столько зависть и желание найти в их жизненном

строе изъяны для самоутверждения, сколько трезвое переживание собственной плохости. «Всё у них так хорошо, всё у них есть – отчего это? И почему так плохо у нас? Обидно, завидно, тоже хочется так пожить» – сказал один из опрошенных в феврале 2001 г.

53 процента респондентов смогли ответить на вопрос, что им нравится в Америке и американцах. Здесь присутствуют качества национального характера, причем особенно часто называют деловые качества и свободолюбие, но также и благосостояние, устроенный быт, правовую защищенность. Уже в этих ответах немало можно встретить косвенных, а то и прямых сравнений с нашей, российской действительностью и сравнений не в нашу пользу – «американцы работают лучше нас»; «у них свобода ненадуманная»; «у них комплексов намного меньше, чем у нас»; «они все дружные, не то что у нас – каждый хочет для себя», они «улыбающаяся, жизнерадостная нация»; «они любят свою страну», «их вера в Родину», «более целеустремленные», «живут в свое удовольствие, не то что мы»; «бедных не превращают в бомжей», «забота о людях, безработные живут лучше, чем наши работающие», «культура высокая, кругом цветы»; «государство стоит горой за каждого своего гражданина, не даёт в обиду»; «натуральная демократия, не боятся даже президента».

Но почему в Америке так хорошо, а у нас так плохо? Пытаются ли самооправдаться наши граждане, возвыситься перед счастливыми американцами в чем-то иным? Пытаются, конечно же, но сравнительно редко. 56 процентов опрошенных вообще не смогли ответить на вопрос «Что Вам больше всего не нравится в Америке и американцах». Остальные назвали некоторые качества характера (сухость, расчетливость, эгоизм, заносчивость, самохвалство, низкая духовность, непосредственность, граничащая с наглостью); указали на агрессивную политику США, на вмешательство в дела других стран, на враждебность и вред приносимый Америкой России; остановились на распушенности нравов, необразованности, низком моральном качестве кинематографа, социальных болезнях (наркомания, разгул преступности).

Тогда же респондентам был задан вопрос и о том, в чем, по их мнению, основная причина благополучия США. Характерно, что тут затруднились с ответом только 35%. Из тех же двух третей всех респондентов, которые имели свое мнение по этому вопросу, абсолютное большинство высказало убеждение, что главная причина благополучия США в правильной политике государства и здоровом сознании народа. И опять же, в ответах россиян постоянно присутствовало сравнение с нашим Отечеством. «В правительстве более разумные люди, умеющие руководить страной», «отсутствие беспредела в правительстве», «больше внимания уделяет простым людям», «в высоком труде каждого человека», «в людях – они умеют работать», «более предприимчивые», «в Америке

не ташат, как в России», «государственная дисциплина на всех уровнях», «они смогли привить в своем обществе чувство гордости за свою страну», «в удачной экономической политике», «все платят налоги», «все соблюдают законы, даже Президент», «законы у них хорошие». 51 процент опрошенных дал объяснения такого типа. К объяснению успехов Америки разумностью её политики можно отнести и ответы тех 13 процентов респондентов, которые указали, что причины процветания США в отсутствии войн на их территории в течение уже многих десятилетий. Ведь избегание опасных войн – бесспорная заслуга власти. Чего стоило России одно опрометчивое вступление в Первую мировую войну!

Ответы, как бы оправдывающие бедность русской жизни, сравнительно редки. Их не более 12 процентов. Америку обвиняют в «жизни за счет других народов», «в наглости и в отсутствии духовности», «всё везет из колоний», «заманивают к себе самых умных людей планеты», «в потогонной системе». В какой-то степени к самооправданию можно отнести и редкие объяснения успехов Америки её объективным географическим положением и климатом (около 1 процента).

Таким образом, ответ на вопрос о причинах благополучия США достаточно ясно демонстрирует главенство конструктивного самокритичного чувства в русском народе и слабое развитие желчной зависти к богатому соседу и склонности к оправданию своей бедности и неустроенности какими либо компенсирующими доводами (духовность, доброта, честность и т.п.). Такие самооправдания сравнительно редки.

И Америка здесь не исключение. Размышляя о любой преуспевающей стране – западноевропейской, Японии, Южной Корее, Израиле и даже Польше, русские склонны видеть их достоинства и свои недостатки, с сокрушением признавая свою неаккуратность, разгильдяйство, вороватость, склонность к пьянству, эгоизм, неумение организовать власть и нежелание соблюдать законы.

Вот несколько характерных ответов на открытый вопрос «В чём заключаются, по Вашему мнению, основные различия между русскими и немцами?»: «У них в крови аккуратность, а у нас всё тяп-ляп», «немецкий порядок и русский беспорядок», «немцы более пунктуальны, мы более расхлябаны», «более бережливые», «более воспитаны, чем мы», «они консерваторы, а мы лоботрясы», «они чистюли в отличие от нас», «немцы честнее, справедливее», «жизнь – они живут хорошо, а мы на букву...». И опять же, такие ответы значительно превосходят по частоте ответы – самооправдания и ответы – компенсации. То же – Финляндия, Швеция, Австрия, Франция. Даже такой, казалось бы, далекий момент, как стремление Южной Кореи воссоединиться с Северной или включение ГДР в ФРГ вызывают сопоставление с Россией – «они молодцы, объединяются».

Следует, может быть, особо подчеркнуть, что в этих сравнениях, унижающих, казалось бы, наше самолюбие, меньше всего тупой покорности сложившемуся порядку вещей – «они хорошие – мы плохие, и ничего тут не поделаешь». Напротив, в большинстве ответов на открытые вопросы хорошо заметно желание изменить себя, стать лучше, воспринять тот «зарубежный опыт», который принес счастье процветающим странам. В этих ответах ощутима сила упругой пружины воли, которая ищет себе правильного приложения.

Мир объективно открылся после 1989-1991 гг. русскому обывателю и обыватель этот не стремится уйти от новой реальности за стены национальной мифологии, но активно усваивает и осмысливает новый нелицеприятный для него опыт. Хорошо известно, что такое трезвое усматривание недостатков в себе и достоинств в других весьма способствует здоровому развитию и успешному становлению отдельной человеческой личности. Надо думать, что и для русского общественного организма главенство этого типа сознания будет иметь самые положительные последствия. Как это ни странно, вспоминая все трудности и мраки нашего исторического пути за прошедший XX век, общественное сознание русского народа, выявленное проанализированными здесь опросами ФОМ 2001 г., обнаруживает здоровье и большую разумность.

Русские люди большей частью уверены в дружественности к нам других стран, готовы учиться у них всему доброму и хорошему, тянутся к Западу, но не презирают и Восток, трезво выявляя среди азиатских стран оптимальных союзников. Социологические опросы ФОМ на материале геополитических предпочтений и основных линий самотождественности еще раз подтвердили уже известную истину, что наш народ нравственно крепче, доброжелательней и разумней, чем это представляют и отечественные, и зарубежные средства массовой информации⁵.

⁵ См. аналогичный вывод на совершенно ином материале в статье: *Единство и разделение современного русского общества: Вера, экзистенциальные ценности и политические цели // «Знамя». 1998. №11. С. 161-193.*